

Доброе слово о соселе

Замечательный писатель, исторический романист Юрий Давыдов, собираясь в Турцию, перерыл все архивы в поисках доброго слова о наших южных соседях. Нашел! В восемнадцатом веке в одном журнальчике была все же опубликована статья "О добрых качествах турецкого народа". Одна. Единственная за всю историю дореволюционной российской журналистики. Спасибо безвестному автору, диссиденту восемнадцатого столетия — спас все же честь русской интеллигенции...

Две империи

Воспоминание детства: Сибирь, Томск, зима, двое парней постарше выясняют отношения. Один кричит, хватая другого за грудки:

У, гад, турка, да я из тебя клоуна сделаю! Война шла с немцами, а ругательством было — "турок". Никто из нас, естественно, живого турка никогда и в глаза не видел, и отцы наши не видели, и деды вряд ли. Но вот пришла из давних лет неприязнь к соседям и стала частью миропонимания, или, как сейчас говорят, менталитета. Так и велось из поколения в поколение.

В чем же была виновата Османская империя перед Российской-ской?

Да скорей всего в том, что была слишком на нее похожа. Так же стояла одной ногой в Европе, а другой в Азии, так же претендовала на роль сверхдержавы, так же стремилась держать в собственных руках ключи от Черного моря, так же развивалась не столько вглубь, скольковширь, захватывая все новые и новые земли. В конце концов обе империи встретились, уткнувшись рогами друг в друга, и наступил период долгой вражды, перемежаемой войнами, в которых Российская империя в конечном счете оказалась победительнее. Впрочем, удача была относительной. Ибо пока шло это перетягивание каната, Западная Европа в социальном и техническом развитии убежала далеко вперед.

Кажется, сейчас правители обеих стран окончательно поняли, что мирное сотрудничество способно решить все проблемы, с которыми за пять веков ненависти так и не разобралась война...

И мне стало стыдно

Самое большое и странное для меня открытие было, что турки удивительно похожи на россиян. Так же доброжелательны, так же провинциальны, то есть гостеприимны и любопытны, так же легко увлекаются. Иноземцу всегда готовы помочь. Однако при торге цену заламывают, как у нас на толкучке, — торгуются с ними надо долго, умело и вдохновенно.

Вот обычная ситуация. Женское кожаное пальто. На ценнике цифра предельная — 900 долларов. Но — зачеркнута, рядом — 650. Спелюющая цена — "Только для тебя" — 400. Нет денег? Хорошо, есть еще цена "братская" — 300. И эта не подходит? Вздыхаями рук, крики, угрозы, клятвы — и выясняется, что в запасе имеется цена "последняя" — 250. Брать что-либо без торга непатриотично: решат, что Россия — страна богатых дураков.

Еще прекрасная и близкая нам черта турок — готовность раскошелиться по любому подходящему поводу. Правда, американцы тоже все время улыбаются, но турецкие улыбки мне больше по душе. Граждане заокеанской сверхдержавы улыбаются, чтобы понравиться собеседнику. Турки же просто улыбаются, без умысла и выгоды. Их ведь жизнь тоже не баловала, и у них было без юмора не прожить.

Анекдоты здесь популярны, как в России, и тоже ходят сериями. Любимый герой — Ходжа Насреддин. В качестве образца приведу одну байку, без всякого тайного умысла, просто для собственного удовольствия.

К Ходже Насреддину пришел сосед и попросил займы большую сумму, зато на очень короткий срок. Ходжа Насреддин щедро ответил:

— Денег не дам, у меня их нет. Зато срок назови, какой хочешь, хоть сто лет.

К россиянам турки относятся хорошо, даже по-братски.

В Анталии в меня буквально вцепились энергичный мужчина лет сорока пяти, бывший советник президента Озала, сам президент крупной строительной фирмы и владелец роскошного "Мерседеса". Он требовал от меня двух трудновыполнимых вещей: забыть Анталию и Сочи городами-побратимами и заставить правительство России принять специальную программу по развитию Сочи. Я пробовал объяснить, что и у меня, и у правительства есть несколько проблем, помимо Сочи, но он и слушать не хотел. Встретились еще раз — с тем же успехом. Я предложил в качестве компромисса чем-нибудь помочь ему в Москве. Но тут мой собеседник буквально возопил:

— Я не ишу заказы в России! Я не нуждаюсь в зарплате! Но я не могу видеть, что вы делаете с таким замечательным городом! Я не могу смотреть на ужасную сантехнику в прекрасных отелях! Почему Анталия мировой курорт, а Сочи нет?!

Только тут до меня наконец дошло. Он же просто наш человек! Хоть и турок, но наш. Он хату покинул, пошел воевать, что земля в Гренаде крестьянам отдать. Кстати, он уже предпринимал конкретные шаги: пытался открыть в Сочи совместное предприятие по ремонту иномарок, даже оборудование завез. Однако какой-то местный высокопоставленный патриот, сославшись на то, что турецкие власти на Босфоре придержали грязный российский танкер, решил ответить на злодейский удар стамбульских чистоплюев своим локальным сочинским ударом. Сунуть патриоту в лапу мой собеседник не догадался, и оборудование стоимостью в треть миллиона долларов отправилось назад, за море. А примерно через неделю туда же поплыл пароходом попавший в аварию "BMW" — дома, в Сочи, чинить его не брались...

Мне стало стыдно: ну почему в самом деле этот бизнесмен-романтик бьется за идею в одиночку? Пожалуй, придется примкнуть. Ну с какой стати наши новики-толстосумы обживают каменные жаркие Канары, а утонувшие в зелени роскошные пансионаты Сочи хиреют и рассыпаются? Конечно, господа министры, готовьте программу по Сочи — мы с Сабри вас все равно дождем.

Я русский бы выучил...

Многие турки очень хорошо говорят по-русски, хотя и с легким акцентом. Акцент этот не турецкий — болгарский. За ним стоит одна из маразматических драм эпохи.

Я как раз был в Болгарии, когда стареющий Тодор Живков решил в очередной раз возродить нацию. Возрождение нации почему-то всегда сопровождается подлостью и грязью. Живковская инициатива исключением не оказалась.

В Болгарии издавна было много турок и цыган, живших здесь веками. Однако было заявлено, что ни турок, ни цыган в стране нет, что в Болгарии живут одни болгары. Это бы еще ничего. Но для утверждения новой истины всем менее кореным гражданам страны было директивно предложено в экстренном порядке сменить имена, данные родителями, на иные, выбранные непогрешимой народной властью.

Выгделало это не просто глупо, но и на редкость оскорбительно. Приезжали úplномоченные, собирали жителей деревни и быстро, будто собачьи клички, меняли имена всем, от детей до стариков. Наша переводчица Авидан стала Адрианой, ее муж Али — Алексеем, а сына Дениса переименовали в Денислава, хотя родители доказывали партийному начальству, что Денисы есть и в Англии, и во Франции, и даже в братской России.

Болгарские мусульмане, чьи деды и прадеды жили в этой балканской стране и любили ее, как положено любить родину, почувствовали себя преданными. Для многих единственным выходом стала эмиграция. Надо отдать должное турецким властям: эмигрантов приняли хорошо, дали жилье с рассрочкой на двадцать лет, обеспечили работой.

Очень приятно отметить, что сегодня тысячи новых граждан Турции совсем неплохо кормит великий и могучий русский язык. Культурные и экономические связи двух бывших империй растут, переводчиков требуется все больше, и работа их ценится.

Так что справедливость, хотя и с опозданием, торжествует: в выигрыше оказываются не страна, изгоняющая собственных граждан, а та, что принимает изгнанников.

Скрытый резерв "турецкого чуда"

Турецкий рынок в восьмидесятых смело можно назвать экономическим чудом, как и западногерманский тридцать лет назад. Чтобы осознать это событие, нет нужды лезть в экономические справочники и сравнивать таблицы, достаточно просто пройтись хотя бы по Москве. Турецкие строительные фирмы ремонтируют и перестраивают важнейшие правительственные здания России. Недавно открытое новое турецкое посольство — одно из самых больших и красивых в столице. Магазины завалены турецкими товарами, полгорода ходит в турецких джинсах, блузах, куртках и дубленках. Пряхок по воздуху через Черное море становится все более привычным и прибыльным для авиакомпаний. А слово "Анталия" почти так же популярно среди отпускников, как прежде "Сочи" или "Ялта".

Веч. клуб - 1995 - 15 апр - с.3.

На кого похожи турки?

Струдом верится, что всего лишь двадцать лет назад центр провинции был глухим городишком с населением в тридцать тысяч человек, не имевшим никаких достоинств, кроме Средиземного моря да каменистого пляжа, бесконечно уходящего на Восток и Запад.

Сегодня Анталия — современный семисоттысячный город с десятками комфортабельных отелей и пансионатов, с "Шератоном" в центре и богатыми виллами в поселках-спутниках. В удачный сезон тут отдыхает до трех миллионов туристов. Первыми из иностранцев Анталию обжили немцы, потом стали быстро осваивать израильяне. В прошлом году настал черед наших соотечественников — через паспортный контроль здешнего аэропорта прошло шестидесят пять тысяч россиян.

Каким же образом страна, еще недавно казавшаяся безнадежно отсталой, сумела создать курорт, который сегодня успешно конкурирует с Флоридой, Майоркой и Лазурным Берегом?

Секрет не сложен, рецепт известен. В основе турецкого экономического чуда уже привычное нам понятие — приватизация. Просто у нашего южного соседа хватило разума и воли идти по избранному пути, не оглядываясь и не шараясь.

Армия чиновников везде лежит на казенной собственности, как собака на сене. Сено, может, и сохранно, но молока от собаки не жди. Турецкое правительство проявило подлинное мужество, отказавшись от львиной доли собственности, а значит и от власти, которую она обеспечивает. Еще — отворили ворота иностранному капиталу. А дальше пошло накатом: частник, и свой, и иноземный, ничего не станет делать себе во вред, не станет воровать сам у себя, халтурить, тянуть и медлить там, где есть возможность быстро заработать. Частники и не тянули.

Это, впрочем, не означает, что роль государства была нулевой. Оно регулировало процесс: на десять лет ввело в Анталии льготные цены на воду и электричество. Фирмы и заTORопились, чтобы успеть развернуться именно в это льготное десятилетие. Государство же гарантировало и стабильность законов. Ведь крупный отель окупается за пятнадцать лет, и инвестор должен быть уверен, что условия игры не будут меняться при каждом изгибе политики.

Однако у "турецкого чуда" был еще один скрытый резерв: турки. Эта сторона дела слишком важна, чтобы ее обойти.

Я уже сказал, что турки очень похожи на россиян. Они так же неприхотливы, терпеливы и привычны к тяжелой работе. Но есть и очень существенное отличие.

Нынешнее поколение турок нацисто лишено того, что я назвал бы идеологической избалованностью. Уже почти век турки не борются за мировое лидерство, не указывают путь человечеству, не баюкают себя сказкой о безмерных богатствах державы, которые для всеобщего благоденствия надо всего лишь справедливо разделить. Они точно знают, что для турецкой семьи есть только один путь к успеху и довольству — многолетняя напряженная работа. Они и работают: в России строителями, в Германии "гастарбайтерами", дома кем придеТСЯ. И не устраивают митинговые истерики из-за того, что американский шефер или учитель получает в тридцать раз больше турецкого.

Что же получается — экономическое чудо, а заработки более чем скромные?

Да, именно так и получается. Более чем скромные заработки и есть во многом фундамент "турецкого чуда". Турция прорвалась на мировой рынок прежде всего за счет очень заманчивых цен. Итальянская кожа второе дороже турецкой, неделя отдыха на Лазурном Берегу обойдется как месяц в

Здание турецкого посольства в российской столице.

Анталии — при том же практически сервисе. Даже израильянам, соседям по теплому морю, провести отпуск в Турции дешевле, чем дома.

Иными словами, плата, и немалая, за вход в глобальную экономическую систему взимается с турецких тружеников.

Плохо? Конечно.

Но ведь так было и в Японии, когда она брала разбег. В островной державе зарплата была очень низкой, потом просто низкой, потом средней — пока вдруг не оказалась чуть ли не самой высокой в мире. Турция, похоже, идет по такому же пути — взбирается в гору, до предела затянув поясок.

Отель "Натали"

На одном из углов старой Анталии светится указатель — "Отель "Натали". Шрифт, правда, латинский, но имя наводит на размышления. Откуда в южной Турции, где за окнами Средиземное море, а за морем жаркий Египет, так по-пушкински звучущее имя? Неужто в честь жены нашего гения?

Увы, эта вывеска Русью не пахнет. Просто у Шахина, хозяина крохотного, комнатух на шоссе, "отеля" была подруга-француженка, как раз Натали. Пожила и уехала в конце восьмидесятых, оставив светлые воспоминания и красивое имя.

Но Шахин и нынче не одинок. Два с половиной года назад

в Анталию приехали две туристки из Германии, из портового города Килия, где тоже море, но холодное. Зашли в кафе выпить пива и случайно познакомились с Шахином, в результате чего одна из немочек вернулась домой, к холодному морю, а другая, Ютта, осталась у теплого. И Шахину, и Ютте лет по сорок, жизнь повилади, небывалых щедрот от нее не ждуть и вполне довольны тем, что есть. Вдвоем обходятся своєю гостиничкой, плату берут очень божескую: за комнату для двоих с ванной флоток завтрак всего двадцать долларов с пары. Даже россиянам вполне доступно, на иных наших или бывших наших курортах дерут куда дороже.

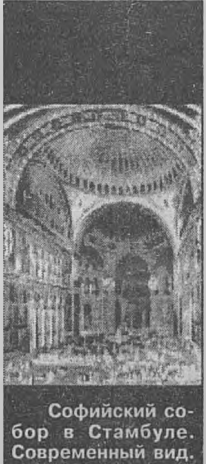
Обобщая этот принцип турок: лучше заработать мало, чем не заработать ничего. У нас пока, к сожалению, преобладает иная точка зрения — ломать цены почему зря, распугивают клиентов, а потом воплят, что государство должно спасать их от банкротства.

У Ютты и мысли нет, что она предала родину или сотворила еще что-нибудь дурное. Человек рождается на планете, всю ее получает во владение и сам выбирает, где ему лучше. Кто от этого страдает? Чем больше счастливых людей, тем счастливее человечество.

Кстати, в Турцию на отдых больше всего приезжает именно немцев. Причина? В течение многих лет сотни тысяч турок ездили на заработки в Германию. Бедствовали, терпели, делали ту работу, от которой отворачивались немцы, обходились малым, копили денюжку, а заодно изучали язык и осваивали обычаи вплоть до кухонных рецептов. Постепенно все это — и деньги, и рецепты — возвращалось домой и шло в дело. Теперь наступила пора сбора урожая — миллионы туристов из Центральной Европы устремились туда, где их понимают без переводчика, и немецкая марка энергично перетекает на берега южной Анталии.

Наши российские мозги и руки пока что бегут из страны, а

Леонид ЖУКОВИЦКИЙ

Софийский собор в Стамбуле. Современный вид.

Загадочное слово "сервис"

А в самом деле, почему Анталия мировой курорт, а Сочи нет? Чем отдых на Средиземном море лучше отдыха на Черном? Красоты природы? Нужут тут мы, извините, потягася с кем угодно. Архитектура гостиничных комплексов? Если и уступим, то немного. Оборудование? В новых отелях оно почти всегда импортное.

Остается загадочное слово — "сервис".

Именно в этот сервис все и упирается. Ибо живет приезжий не только в гостинице, не только в номере, но прежде всего в сервисе. И настрояение его (а значит, и желание платить по дорожке, и вновь приехать, и знакомым порекомендовать) напрямую зависит от того, чисто в комнате или грязно, вкусно кормят или терпимо, улыбаются ему или хамят. Уровень отеля определяется количеством звезд, это для гостиницы как отметка для школяра, как звание для офицера, как ученая степень для химика или биолога.

В Анталии я своими глазами увидел, как зажимаются звезды на визитных карточках турецких гостиниц.

Мы жили в небольшом, максимум на сто мест пансионате, чистом, уютном, с очень вкусной кормежкой, с залом для конференций, комнатами для переговоров, автоматической связью с любой страной на свете и вообще со всем необходимым человеком, которому нет нужды убеждать окружающих, что он непомерно богат. Три звезды. Для нормального человека вполне достаточно.

Однако кое-что в гостиничке было на полные пять звезд. Обслуживающий персонал: портье, метрдотель, официанты, горничные. Дело было не только в постоянных улыбках, в цивилизованном мире это норма, но и в уникальном внимании к любому желанию гостя. Только подумавешь, что стул надо бы придвинуть поближе к столу, приподнимешься для простейшей операции — а стул подъезжает словно бы сам собой. Телепаты тут работают, что ли?

Потом выяснилось, что телепатов в гостинице нет. Нет, за редким исключением, и портье, официантов, горничных. Есть студенты.

Оказалось, что три соединенных друг с другом здания (в одном как раз и помещалась наша гостиница) были учебным комплексом. Именно здесь находилась нулевая отметка турецкого сервиса. Именно сюда приходили вчерашние школьники и школьницы, именно отсюда выходили в мир юные улыбочивые профессионалы!

В данном контексте это очень важное слово. Ибо туризм сегодня самая богатая, самая доходная отрасль мировой экономики, и развивать ее силами тети Маши с ведром и тряпкой можно разве что в мухобойском Доме колхозника.

Комплекс принадлежит турецкому министерству туризма. Жилой корпус — по сути общежитие. Комнаты большие, каждая на десять коек. В этом есть смысл — по окончании учебы условия жизни выпускника должны резко улучшаться, а не ухудшаться, слишком комфортный первый шаг рождает неосуществимые претензии ко второму. Однако в общежитии —

Строители из Анкары активно участвуют в реконструкции старой части Москвы.

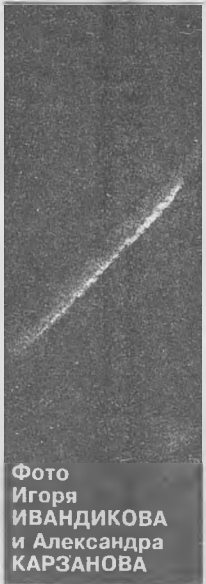

Фото Игоря ИВАНДИКОВА и Александра КАРЗАНОВА

Турецкие товары пользуются спросом.

Могила Назыма Хикмета на Нововицком.

оборудованы по-европейски. Никакой самобытности! Зато на них не пахнет бензином. Пахнет лесом, морем, цветами, дымком и мясом из ближайших ресторанчиков — а бензином нет. У нас же бензоколонки почти сплошь отечественные, что само по себе очень хорошо. Зато — и это очень плохо — над нашими городами висит стойкая бензиновая вонь.

К сожалению, странам, чей расцвет еще впереди, крайне редко удается достичь идеального сочетания: патриотизма без воню.

Золотая строчка

Один из наших новых политиков, патологически нацеленный на теплые моря, заявил однажды, что у Турции нет своей культуры. Вот ведь умица! Никто не догадывался, а он враз углядел и разоблачил.

Недалеко от Анталии, в Перге, двадцать три века назад существовал большой, богатый, процветающий античный город.

Даже развалины в Перге и поныне вызывают восхищение. Вот стадион, построенный удивительно красиво и рационально: по внутреннему овалу чаши шли трибуны на семь тысяч зрителей, по внешнему располагались многочисленные лавки — на некоторых еще сохранились каменные вывески. То есть сразу был задуман и выстроен тот симбиоз стадиона с супер-маркетом, который так неуклюже попытались через два тысячелетия смастерить у нас в Лужниках.

Вот водопровод с мощным акведуком — длиннющим каменным мостом, по которому вода из чистых горных источников шла вниз.

Вот бани с горячей и холодной водой, где часами ловили кайф тогдашние горожане.

Вот "царская дорога" — главная улица со ступеньками-скамейками по сторонам, где вечерами совсем по-современному гусовалась молодежь — только тогда это времяпровождение называлось как-нибудь иначе...

Мы не первые в этом мире, и не факт, что самые талантливые, и не факт, что самые умыные.

Иногда приходится слышать, да и читать тоже, что по культурным святыням античности и христианства турки прошли как захватчики и разрушители, многое уничтожили и ничего не создав. Это — ложь. В удивительной культуре полуострова собственно турецкая строчка не серая, а золотая.

Для доказательства вполне хватило бы одного факта: мечети Сулеймание. Есть великие поэты, великие города, великие здания. Сулеймание — из их числа.

Одной этой мечети хватило бы, чтобы обессмертить имя архитектора. Но Синан возвел не одно знаменитое сооружение, он построил их пятьсот. Мечети, дворцы, мосты, каравансарайи... В принципе, столько понастроить невозможно — но невозможно и написать полторы тысячи пьес, если ты не Лопе де Вега. Чтобы выполнить свою небывалую миссию, Синану понадобилось прожить почти все и вырастить десятки учеников. По легенде, один из них добрался до Индии и возвел Тадж Махал, доказав себе и человечеству, что не зря учился у Синана.

Когда-то, взяв штурмом Константинополь, турки перделали знаменитую церковь Святой Софии в мечеть. Но — и это исключительно важно — гениальные золотистые мозаики христианской святости не были уничтожены, их просто закрыли слоем штукатурки. Сегодня они освобождаются из векового плена. Варвары не стали бы сохранять чужую красоту. Турки сохранили.

Великая Османская империя ушла в историю. Великая культура осталась. Осталась архитектура и поэзия, ковры и орнамент, музыка и танец. Осталась красота, уже вошедшая в плоть и душу человечества.

Три тополя в Анталии

Метин Демирташ — поэт. Настоящий поэт. И судьба у него типично поэтическая. Много писал. Умеренно печатался. Славы всегда было больше, чем денег. Когда-то три месяца провел в тюремной камере за стихи о Че Геваре. С тех пор прошло много времени. Былые страсти улеглись, изменилась Турция, изменился Метин, изменились мир.

За что боролся Метин Демирташ? За что его сажали? Еще при жизни человека политические формулы усыхают, теряют смысл, превращаются в свою противоположность. Но остается совесть, остается талант, остается загадка прекрасной строки, остается честное слово и честная слава художника — все то, что для новых поколений куда важнее идейных споров тридцатилетней давности.

Не сажайте поэтов в тюрьму, там им не место. Даже их заблуждения выше правды политиков. Эпоха без поэта — мертвая эпоха.

Во дворе своего многоквартирного и многоэтажного дома Метин Демирташ посадил три тополя. У каждого свое имя: Лермонтов, Есенин, Хикмет. Недавно посадил четвертый, совсем молодойничий. У него тоже есть имя, но Метин назовет его лишь в том случае, если тополек приживется.

К нам он обратился с просьбой: прислать ему из Москвы две фотографии, могилы Есенина и могилы Хикмета.

Помни свою вину!

Могила Хикмета — это особая тема. Как раз, когда я был в Турции, там шла довольно бурная дискуссия — перевозить прах великого поэта на родину или нет.

Даже моим мнением интересовались, причем неоднократно.

Я отвечал, что прах турецкого гения тревожить не надо — по трем причинам.

Во-первых, кроме случаев исключительных, вообще не надо тревожить ушедших.

Во-вторых, могила гения в чужой земле — постоянный укор народу, зарубка на совести: люди, помните о своей — или предков — вине! Надо ли эту зарубку соскабливать? Перезахоронили — и вроде бы справедливое возмездие народов, а совесть нации может наконец-то уснуть спокойно. Но спящая совесть профессионально непригодна, Хикмет для того и писал, чтобы

души его сограждан были открыты для тревоги и боли. Больше он не напишет ни строки. Но его могила в трех часах лета от родины — горькая поэма, которая все время на слуху, которая и сейчас продолжает главную работу поэта: будить совесть. Может, для нравственного здоровья народов не так уж плохо, что Байрон похоронен в Греции, Бунин во Франции, Фейхтвангер в Америке, а Хикмет в России? Есть и третья причина. Назым Хикмет в одиночку сделал то, что за несколько столетий не смогла одолеть вся Османская империя — он заставил Россию полюбить турецкий народ. Помню свое, студента, ощущение: раз Хикмет турок, значит, турки не могут быть плохими людьми.

Так получилось, что Хикмет принадлежит двум культурам. Его раскিনутые руки, как мост, соединили две страны. Надо ли прерывать его великую объединяющую работу?

Пусть у турок будет в России свое святое место, место паломничества, раскаяния и просветления. Три часа лета? Но святое место и не должно быть сразу за оклицей: дорога дает время подумать, лечит и очищает душу.

Слава Богу, я не государственный человек, не мне решать, не мне отвечать за решения. Я просто рад, что турки уже поняли, чем был для их страны поэт-узник. А я пытался рассказать им, чем он был для России.